Remizov, Aleksei Mikhailovich.

Chakkhchil-s-Gaasu.
Berlin, 1922.

MICROFILM FOR COPYFLO
Univ. of California
General Library
Berkeley 4, Calif.

CAT. & ITEM:
ORDERED: 4-29-60
5-24

THIS IS A PURCHASE ORDER - SEE OTHER SIDE FOR INSTRUCTIONS

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ

ЧАКХЧЫГЫС-ТААСУ

СИБИРСКИЙ СКАЗ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СКИФЫ“ БЕРЛИН

ALEXEI REMISOW

TSCHAKHTSCHIGIS-TAASU

SIBIRSCH' MÄR

VERLAG „SKYTHEN" / BERLIN W. 30

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ

ЧАКХЧЫГЫС-ТААСУ

СИБИРСКИЙ СКАЗ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СКИФЫ“ / БЕРЛИН

ПОСВЯЩАЮ

С. П. РЕМИЗОВОЙ-ДОВГЕЛЛО

СИБИРСКИЙ СКАЗ

ЛЮДИ И ЗВЕРИ

МАНЕГРСКАЯ

В начале был огонь и вода.

Огонь и вода опустошили всю землю.

Потом Бог создал человека — брата и сестру, в тех самых землях, где живут орочоны, от китайцев далеко.

И говорит сестра брату:

— Давай жить, как муж и жена, а то пропадем, и кончится человек на земле.

Брат заплакал, да раздумался и согласился.

Через год родился у них сын, потом две девочки и еще сын.

Большого сына звали Манягир, дочерей — Учаткан и Говагир, меньшого — Гурагир. А имя отцу — матери было Ойлягир, и детей, что родились после, назвали Ойлягир.

Так пошли пять родов.

*

Жили люди на земле, а ничего-то у них не было: ни оленей, ни лошадей, ни собак.

И говорит старая мать детям:

— Убейте меня, снимите с меня кожу и мясо, разделите кости. Кости разбросайте ночью по всем сторонам. А, бросая, говорите: „Это пусть будет

лошадь, это олень, это корова, это собака, это жена, это дочка!"

Младшая дочка Говагир заплакала — нет, она такого не может исполнить!

А ночью, когда все спали, больший сын Манягир убил старую мать и сделал так, как она наказала.

И вот по утру около стойбища послышался шум — лошади, олени, коровы, собаки и люди сходились со всех концов, как обещала старая мать.

Так пошли люди и звери.

ЛЮДИ И ЗВЕРИ
КИТАЙСКАЯ ВОДКА И ВОДЯНЫЕ

МАНЕГРСКАЯ

Жили-были семь братьев.

Раз случилась им большая удача: набили они много всякого зверя.

Три шайбы наполнили сушеным мясом, — шайба это амбарчики на столбах в тайге, — на долго запасли себе корму.

И стали братья, кроме одного брата, ловить зверей живьем.

С живого зверя бережно, чтобы не повредить жил, сдерут шкуру и пустят так безшкурого на волю.

Ну, зверь голый — смешно.

Смеялись братья, кроме одного брата.

И вот однажды, натешившись над зверями, пошли братья к шайбе за едой.

А шайба, как живая, все дальше и дальше от них.

Долго братья гонялись за ней, а она уходит и уходит, как живая. Стреляли из луков — ничем не остановишь.

И перемерли братья голодной смертью, кроме одного брата.

Не помер тот, что не обижал зверей.

Тогда шайба остановилась и накормила его.

*

Было семь братьев, остался из семи один.
И стало ему одному без братьев скучно.
И пошел он, куда глаза глядят.
И так шел он, шел и дошел до китайцев.
Ласково приняли его китайцы: один буду предлагает, другой кукурузу, третий лепешки.
А он все отказывается: с рода не видывал такого, — есть-то ему боязно.
— Ну, и чудак!
И решили китайцы угостить его китайской водкой.
Бое водку выпил, как воду, — три чашки, и что потом было, ничего не помнит.
А по утру проснулся, видит, все те же китайцы.
И говорят ему китайцы:
—Приводи к нам свой народ, у нас жить хорошо.
И стали собирать его в дорогу: научили, как печь лепешки, дали ему и буды, и водки — да с Богом.

С китайскими дарами добрался бое до тайги, до своего дома, созвал народ.
И первым делом угостил водкой — хотелось ему посмотреть, что такое бывает с водки, какая ее сила, сам ведь тогда у китайцев заспал всякую память.
Выпили товарищи, пошумели, ну, один задрал, другой сказал, повздорили, помирились, скакать принялись, наскакались, да тут же и спать бухнулись.
А как глаза продрали: он им лепешек.
И рассказал все о китайцах.
— Да, — говорят, — надо итти к богдо; хорошо живут!
И согласились: собраться всем и итти всей тайгой в землю дауров.

*

А жили в речке около стойбищ водяные человеки, и много они бое докучали. И чего только бывало

ни придумывают, а извести их никакими силами невозможно.

Вот, чтобы с водяными покончить, и придумали бое такую хитрость: сошлись они к речке, расселись на берегу и ну пить воду — один чашку выпьет, передаст другому.

Сами-то воды напились, а в чашку водки налили, и оставили эту чашку на берегу да по домам.

И как опустел берег, водяные на берег и прямо за чашку — подсмотрели, как люди-то пили.

Чашка — немного, да много ли надо водяному: глотнет и готов!

Осоловели совсем водяные, — ни рукой, ни ногой, — да кто, как был, так и полегли влежку.

Тут бое всех их до одного и переловили.

Вся тайга сошлась на такое диво.

А как поближе рассмотрели, и ничего особенного: человек, как человек, только что голышем — ни на нем ормуз, паголинков по нашему, ни на нем штанов, а как мать родила, — кланяются.

Вот они какие — водяные.

КИТАЙСКАЯ ШАПКА

МАНЕГРСКАЯ

Было это в те далекие времена, когда на берег Зеи не ступала нога ни русского, ни китайца, кочевали бое на оленях.

Бое, как и соседи их — орочоны, и соседи и: соседей — бирары и гольды, были большим на родом — и не десятками, как нынче, а в тысяча: считались.

Люди рождались и проходили по земле, ка красная рыба кэта узилась широкая тайга, и о тесноты вражда подымалась среди людей.

Брат пошел на брата. Род забывался и кажды думал только о себе и жил по себе. Никто ни кого не хотел слушать. И своеволью не было ни какого упора. Полуголовый и безголовый считал себя головою. Вся жизнь перевернулась, и ником житья не стало. Худые люди, а такие везде най дутся, дано ли тебе тысяча оленей или ни одног худые люди стали обижать хороших. А жаловатьс некому было, и заступы негде искать.

Жили бое крепко и дружно родом, а замутилос и стали друг другу как самые первые враги.

Вот и сошлись кто помудрей да потолковей и решили, что без царя никак невозможно.

А был один самый зоркий — Касяки Ойлягиı

Взял он себе котомку с соболями на плечи, рогатую пальму в руки, покликал серую свою собаку, умылся из родной реки Силирин-биры и в путь — царя искать.

★

Долог и труден был путь.

На юг Силирни-биры шел Касяки. Немало встречалось разного народа по дорогам. И сначала понимали, что говорил он, а потом речь его стала другой, как таежный шум, как птичий клик, и сам он перестал понимать других.

И только одно: как заговорит о царе — где ему найти царя? — всякий указывал дорогу.

Большие ноены — правители богатых родов, случалось, звали себя царями, но Касяки всегда угадывал обман и шел дальше. Царское имя — где найти царя? — было ему верным поводырем.

Так дошел он с серой своей собакой до самого дома, где жил царь китайский.

А к царю его не пускают.

— Зачем и откуда? — не хотят пускать, хоть что хочешь.

Стало Касяки обидно:

— Как! Его не пустить? А вот возьмет он свою рогатую пальму, да пальмой.

Царь услышал шум.

— Что такое?

Говорят царю про Касяки.

Царь подумал:

„Вот какой смелый, никого не боится: один со своей пальмой на всех!"

Велит привести к себе Касяки.

И вошел Касяки к царю, положил перед царем подарки -- сорок черных соболей.

Царь копнул мех, а из-под черного, как небеса, заголубело, — глаза у всех и разбежались: впервые увидели китайцы соболиную шкурку.

— Пришел царя искать, — сказал китайцу Касяки и помянул о смуте, о родной реке Силирин-бире, — от смуты житья не стало.

Выслушал царь Касяки, велел принести отдарки: золота и серебра.

Да Касяки-то ничего брать не хочет: золото — он от роду не видел золота — и золото в глазах его, что медь, а серебро сошло за олово.

Подумал и кусочок серебра взял — на пули пригодится.

А царь подумал:

„Вот он какой: и смел, и щедр, и ничем не прельстишь — ни золотом, ни серебром. Да это и есть царь!"

И велел принести шапку: китайскую шапку с синим корольком — шарик такой, и еще просто шариков горсть.

И когда подали царю шапку и шарики, царь надел шапку на Касяки.

— Ты будешь царь над бое, — сказал царь, — и эти шарики раздай приятелям, кому поверишь, и будут они твои полковники и урядники. А кто тебя не послушает, возьми палку, да палкой — послушают! По своей-то воле жить, надо, чтобы у человека было и тут, и там, — царь показал на голову себе и сердце и, подняв руки, распростер, как крылья, над головой, — да и здесь вот.

*

В китайской шапке с синим корольком вернулся Касяки домой на Силирин-биру и об'явил бое, что он царь их, и указал на шапку.

Подняли на смех. И кто поверит — китайская шапка с шариком, царь! — и такой галдеж пошел, прохода нет.

А Касяки позвал приятелей, роздал им шарики, — сказал царское слово.

Полковники и урядники взяли палки.

И те, кто смеялся, живо поджали хвост — такой уж смерд человек, коли нет в нем — нет ни тут, ни там, ни здесь вот.

Палка гуляла во всю, лупила смехунов прямо на смерть.

Видят, Касяки большой начальник, и стали слушаться.

А воры попрятались, горланы поумолкли.

И завелся настоящий порядок.

До глубокой старости царствовал над бое Касяки Ойлягир. А по смерти его шапка с синим корольком перешла его сыну, а от сына внуку.

И по смерти полковников и урядников, приятелей Касяки, шарики их пошли их детям.

Так нарядились бое.

И до ныне крепки их роды: Ойлягир, Манягир, Говагир, Гурагир, Учаткан — и привольней житья ни один народ не знает.

БЕЛЫЙ ВОРОН

ЧУКОТСКАЯ

Жил-был большой богач и было у него двое детей — сын да дочь.

Вырос сын и задумал старик сына женить. И по богатству старика не мало нашлось невест. Старику-то они по душе, да сыну неладны: поживет молодая жена день-два и назад к родителям ступай! Уж старик рукой махнул и перестал сватать.

Говорит Эйгелин сестре:

— Сшей мне, сестра, десять пар обуток, наклади их полны жиромъ: за море иду!

Послушала сестра, приготовила брату десять пар мягких обуток, наполнила оленьим жиром.

Забрал Эйгелин обутки, простился с домом.

*

Идет Эйгелин день, идет ночь, — не спит, не присядет. И только, как башмаки запросят каши, остановится переобуться, поесть.

Так и идет.

Встречу ему белый ворон.

— Ты куда пошел, Эйгелин?

— Иду за море.

— Не ходи: сгинешь!

— Эна!

— Говорю, не ходи: не пройдешь.

— Нет, все равно пойду.

До трех раз остерегал ворон и трижды был один ответ: Эйгелин стоял на своем.

Вынул ворон из-под левого крыла длинный нож.

— На, булат на случай! — и улетел.

*

Идет Эйгелин день, идет ночь. На пути ему застава — полынья, да такая, конца краю не видно.

„Знать и вправду не пройдешь!“

И хоть назад иди.

Да вспомнил про воронов батас, — отошел, разбежался, взмахнул батасом и, как на крыльях, стал на другой стороне.

Идет дальше — опять застава: впереди камень, как гора, и весь в снегу.

Подошел поближе — камень шевельнулся, не камень, — белый медведь.

Взмахнул Эйгелин батасом да на медведя и духом вскочил зверю на спину.

Кинулся медведь, заревел и ну бегать, бегать-скакать — хочет сбросить, да цепок Эйгелин, держится крепко. И обессилел медведь, а батас его кончил.

Отрезал Эйгелин у медведя из-за уха длинный волос, как аркан оленiй, длинный, скатал кольцом и себе в колчан.

Идет дальше. А впереди заставой белеет снежный хребет. Ближе подошел — шевелится, и не хребет это снежный, — белый горностай.

Кинулся Эйгелин на горностая, вскочил на спину.

Как бешеный, побежал горностай, завертелся, закувыркался, да сделать ничего не может и упал под острым батасом.

И у горностая срезал Эйгелин из-за уха волос, скатал в кольцо да себе в колчан.

Идет дальше. Перешел море. Берегом идет. И опять застава — яр, да такой крутояр, и между

прогалин снег. Всмотрелся, а яр, как живой, не яръ — пестрая гусеница.

И как тогда на медведя, как там на горностая, бросился Эйгелин на гусеницу, крепко уцепился.

Вилась, извивалась гусеница — и ничего не помогло: Эйгелин убил и гусеницу, как медведя и горностая. И у гусеницы отрезал волосъ, скатал кольцом и в колчан к себе.

*

Идет Эйгелин день, идет ночь.

Много стоит руйт — больших кожаных юрт. Подошел поближе и в сторонке прилег.

У руйт молодежь пинала мяч. Ловко шла игра.

И из всех, особенно одна, — длинные косы до пят, — приковала к себе его глаза: когда она бежала, ее косы, как прутья, стояли за спиной, — так была она быстра.

И еще две другие показались Эйгелину: схожие с лица, они бегали все рядом, не перегоняя и не отставая друг от дружки, словно сшиты.

„Вот которую одну из этих и возьму в жены!" — решил Эйгелин.

И когда стемнело и пошли сестры, он за ними следом.

Нагнал у руйты.

И когда одна из них ступила в руйту, он схватил за руку другую, — та оглянулась и ввела его с собою в руйту.

— Вот наш гость!

*

В руйте сидел старик. Стал расспрашивать: куда и откуда?

— Из-за моря, — сказал Эйгелин.

— Ну и даль! Как это ты умудрился?

Эйгелин велел принести колчан, вынул медвежий волос.

Посмотрел старик, покачал головой.

— Ну, и бедового-ж ты зверя уходил. Кому доводилось на море ходить, сети метать, встреча с этаким — погибель: много кого не вернулось!

Эйгелин достал волос горностая.

— А этот еще лютее, — сказал старик, — заприметит и готово: все равно, где хочешь настигнет, не увернешься. Не мало погубил народа.

Эйгелин показал волос гусеницы.

— Ну, а это уж, как сам страх: кому, охотясь за диким оленем, случалось встречаться, живым еще никто не уходил! — старик посмотрел пытливо, — зачем ты к нам пришел?

— Так, — сказал Эйгелин.

— За хозяйкой?

— Да.

— Вот мои две: бери любую! — Только не выйдет дело. Такого, как ты, всякий заметит. Помяни мое слово: женит тебя на себе высокая, видел? с длинными косами.

— Ну, нет, я хочу взять твою дочь.

— Мало-б что хочешь. Очень жаль мне тебя, да не будет по твоему.

В руйту вдруг вошла та длиннокосая; она принесла новую одежду: от шапки - малахая до обуток все было белое без единого черного волоска и деревянное блюдо с мясом.

— Не хочу! отстранил Эйгелин.

Ничего не сказала, мигом умчалась из руйты и так же мгновенно вернулась, но уже с другой, с черной одеждой и поставила перед Эйгелином блюдо с оленьим жиром.

А у старика еще варится, не поспел обед.

Эйгелин вынул нож и взялся за еду.

Запечалился старик, да уж поздно: Эйгелин с'ел все блюдо.

— Ну, обувайся, пойдем ко мне! — сказала длиннокосая.

— Веди, разве я знаю куда! — поднялся Эйгелин.

И они пошли.

★

— Вот моя! — она показала на большую руйту.

И стала.

И он остановился.

— Побежим на перегонки: кто первый придет, тот и будет главным. Только знай, прибежишь первым, прыгай прямо в теплый полог, не зевай!

И побежали.

И обогнал Эйгелин — первым прыгнул в руйту.

Две собаки, прикованные железными цепями у входа, рванулись на него и оторвали у него полы.

Следом вошла и она в полог.

И трое суток провели они вместе.

В последнюю ночь слышит Эйгелин, шипит что-то.

Высунулся он, осмотрелся: железная руйта, на пологу черепа человечьи, а за деревянным столбом рассованы трупы — все, как на подбор молодые, сильные, как сам он.

И не убежишь: вход сторожат собаки, а отверстие вверху и высоко и узко.

„Тут мне смерть!“ — подумалось Эйгелину.

★

На утро говорит ведьма:

— Ты соскучился: хочешь, пойдем пинать мяч?

— Пойдем.

И пошли.

Собралась молодежь, завели игру.

И никто не мог справиться с ведьмой: когда она бежала, косы, как прутья, стояли за спиной, — так была она быстра.

А сестры неразлучно бегали вместе, словно сшиты.

И всех обгонял Эйгелин. И никто не мог пнуть мяч так далеко, как он.

Стало смеркаться.

— На, возьми одежду, иди вперед, я догоню! — позвал Эйгелин жену.

И когда ведьма скрылась, подошел он к сестрам.

— Скучно мне, — сказал он сестрам, — не спите ночью, пусть одна из вас караулит. Что то случится, чую.

★

Живет Эйгелин с женою. Без нее ни шагу: одному все равно от собак не выйти и не войти в руйту. Мало на людях, больше в теплом пологу. И с каждым днем все скучнее ему в теплом пологу.

— Ну, ты совсем заскучал. Давай играть хоть в пятнашки.

— Давай.

И она ударила его и отскочила. Он за ней, нагнал — не увернешься! — и сам ударил.

И пошла игра.

Играют ночь, играют день и еще день и еще ночь.

Стала она уставать, нет-нет да и задремлет. А ударит он ее, она встрепенется и опять уснет. И ударом он ее опять разбудит, но она уж не может ему отвечать.

На третью ночь, как убитая она заснула, и что он ни делал, не мог поднять: бил, толкал, тряс — ничего не берет.

И сам уморился.

Прилег — скучно ему.

★

В пологу у задней стены против входа чуть светит лампа.

И видит Эйгелин — полог начинает подыматься. Шелохнулся, и тень, как в воде рыбка, плеснула.

Лежит Эйгелин, не шевельнется, в щелку смотрит. И вот опять поднялась тень над лампой. Всмотрелся и видит: старая, сморщенная старушонка нагнулась к нему, а в руке ее нож, как серп, пекуль.

Тут он шевельнулся, а старуха бесшумно метнулась, как рыба.

„Вот она, моя погибель!"

Эйгелин поднялся к жене. Но сколько ни будит: спит она, не слышит.

Взял он батас, отрезал жене ее длинные косы, надел ее платье, а ее нарядил в свое, перенес на свое место и так ее положил, чтобы не видно лица, сам же подвязал себе ее косы и лег на ее место.

Лежит Эйгелин, полузакрыты глаза, не шелохнется.

И вот показалась старуха, костлявая, — пекуль в руке. Постояла, посмотрела на спящих, шагнула — и еще раз шагнула — нагнулась костлявая над переодетой женой и задрожал пекуль в костлявой руке. Протянула руку да назад: или ошиблась? Что-то бормочет, не верит? И опять нагнулась, долго смотрела и вдруг как ударит.

Только вскрик, и кровь залила полог.

Кинулся Эйгелин да в руйту, пригнулся и прыгнул кверху к трубе. И только что ухватился за шест, звякнула цепь — сорвалась собака да его за ногу.

Висит Эйгелин, высунулся из руйты по пояс, держится крепко, а собака на его ноге висит.

И закричал Эйгелин.

* *

Но спала одна из сестер, караулила. Слышит крик, разбудила сестру, да к отцу:

— Гость кричит, не случилось ли что?

Вскочил старик, схватил копье и поднял народ.

Всем народом побежали к железной руйте.

Эйгелин висел на руках по пояс над руйтой, и собака держала его за ногу, не отпускала.

Старик залез на руйту, спустил по ноге Эйгелина копье, заколол собаку.

И выбрался Эйгелин на волю.

Убили и другую собаку, да в руйту. А там, за пологом, за лампой, сундук. Открыли сундук — старуха: на корточках сидела костлявая — пекуль в руке, выла.

Живо порешили старуху, принялись за руйту. Разбили железную руйту. Много нашли мехов и всяких богатств — дорогие бобры, росомахи.

*

Живет Эйгелин у старика в руйте.

Две дочки у старика, а была и еще — постарше, да незадолго до прихода Эйгелина померла и мертвая валялась в тундре, брошенная зверям и птицам.

Раз по утру говорит старик Эйгелину:

— Неладное что-то во сне мне снилось. До сей поры лежит моя дочь, никем не с'едена, — не хорошо. Ты бы ее оживил.

— Да разве я могу такое?

— А что-ж? Ты прошел море, убил медведя, горностая, гусеницу, ты победил столько напастей!

Задумался Эйгелин: а и в самом деле не испытать ли силу?

И когда настал вечер, взял он бубен и начал камлать. И долго колотил он в бубен, потом гаркнул, как ворон — и мертвая сестра влетела в полог. Кинул он бубен, тряс и ворочал — и мертвая зашевелилась, ожила!

*

Живет Эйгелин у старика в руйте.

Две дочки у старика и третья, что оживил Эйгелин, а есть и четвертая, самая меньшая, ее старик не показывал.

Говорит старик Эйгелину:

— Много ты нам сделал добра, от многого ты нас избавил. Теперь можем спокойно ходить на море и в горы, изводить нас больше некому и наши сыновья будут жениться, наживать большие семьи. Пора и тебе жениться, да и домой отправляться на свою сторону.

— Ладно, — согласился Эйгелин.

— А пригони наперед оленей табун, — сказал старик.

Эйгелин пошел за табуном.

А старик сделал сани и балок — возок крытый. Все приготовил к кочевке. И когда Эйгелин пригнал табун, старик разделил табун: половина ушла в гору, другая — осталась у чумов.

Это твоя и будет! — показал старик, — теперь кочуй.

Смотрит Эйгелин, а та старшая дочь старика, которую оживил он, у саней хлопочет, готовится к от'езду и такая проворная, одно горе — и коса и крива.

★

Идут и идут — путь за море далекий.

Не покладая рук работает кривая: и ставит и собирает руйту и весь олений караван на ней, — и хоть бы одно доброе слово от Эйгелина!

Как-то Эйгелин был в табуне, а кривая влезла в балок, где тайно ехала с ними и самая младшая сестра, которую скрывал старик от Эйгелина.

— Надо тебя ему показать, — сказала кривая, — тогда он и со мной будет лучше. Больше сил моих нету.

Сестра согласилась.

А вечером говорит Эйгелину кривая:

— Не буду я ставить руйту, больно погодно. Ты ложись в балок, а я пойду в табун.

И ушла.

Сидит один Эйгелин, горько задумался о своей судьбе бессчастной, — вернется домой и все будут над ним смеяться: косая — кривая!

И с чего это она выдумала, чтобы лег он в балок, и совсем не так уже погодно!

Не хотелось ему и с места трогаться, все было постыло.

И все-таки стал он, повернул балок дверьми от ветра. Странно: больно тяжелый. Заглянул — а там сундук. Открыл сундук и понять ничего не может: в сундуке горит лампа, а около лампы сидит, да такая, никогда про такое не снилось.

Он в сундук и всю ночь не выходил на волю.

По утру приходит из табуна кривая: не узнать Эйгелина, — какой к ней ласковый и добрый и во всем помогает!

★

Кончился путь. Вот и родная сторона.

Услыхали люди: Эйгелин вернулся, привез жену из-за моря! — и понаехало народу со всех концов.

Встретила Эйгелина сестра. Старик-то не дождался сына, помер. Обрадовались друг другу.

Велит Эйгелин на радостях убить десять оленей, чтобы гостей угостить, а еще убить оленя, чтобы помазаться свежей кровью — станет он венчаться.

А сестре приказал настлать от возка до самаго полога тюленей, а сверх покрыть бобрами и росомахами.

И все было исполнено.

Кричит кривая:

— Торопитесь мазаться, кровь стынет!

А сама с сестрой Эйгелина пошла к возку.

И вывели они под руки невесту.

И как увидели парни такую, с ума посходили: кто дотронулся до ее руки или случайно коснулся одежды, кто прямо посмотрел ей в глаза, тот затрясся на месте, а которые тут же на месте и померли.

Пришлось отложить венчанье до другого дня, а невесту пока что спрятать.

И когда раз'ехались гости, повенчался Эйгелин и зажил счастливо с молодой женой.

А кривая заняла в доме место старшей жены: уважал ее и любил Эйгелин, как родную мать.

СУДЬБА

КАРАГАССКАЯ

Жил в своей юрте один бедняк Тутарь. Оленей у него было мало, юрта старая, и не одна кыс (девушка) не хотела выйти за него замуж.

Горько задумался Тутарь о своей горькой доле и решил: продаст он оленей, юрту, займется торговлей.

И распродал Тутарь добро, выехал к русским в деревню, купил три коня и товару на три коня. Навьючил коней и назад в тайгу—торговать.

Первую ночь заночевал Тутарь в тайге. А ночью волк задавил коня и разбросал товар.

Встает по утру Тутарь: конь задавлен, товар испорчен, и тут же волк смотрит.

Рассердился Тутарь, взял ружье: застрелить хотел. А волк стоит, зубы оскалил, хвостищем машет, смотрит.

„Нет, не буду стрелять!“ — решил Тутарь.

И собрал Тутарь остальных коней и поехал дальше.

На вторую ночь волк опять задавил коня и товар испортил, а сам не уходит.

Еще пуще рассердился Тутарь, прицелился.

А волк стоит, зубы оскалил, хвостищем машет, смотрит.

„Нет, не могу застрелить!“

И поехал Тутарь дальше уж с одним конем.

А в третью ночь волк задавил последнего коня и весь остальной товар испортил.

Тут уж Тутарь себя не помнит, схватил ружье, прицелился, только вот-вот собачку нажать.

А волк стоит, зубы оскалил, хвостищем машет.

И опустил Тутарь ружье.

Тогда волк подошел совсем близко и говорит:

— Ты — добрый человек, Тутарь, иди назад в свою юрту, будет у тебя всего много — и оленей и зверя много добудешь.

А был этот волк сама судьба: не по судьбе, видно, чтобы Тутарь купцом стал.

Бросил Тутарь торговлю и зажил опять в своей юрте, и всего у него стало много — богатым сделался Тутарь.

ТРИ БРАТА

КАРАГАССКАЯ

На Уде реке, повыше Вуртуш-айа, есть небольшое озеро — есть ли оно там еще или нет, не знаю! — А когда ни души еще не было на белом свете, вышли из озера три брата.

И стали братья подумывать, чего бы себе промыслить для корму — не было тогда ни ловушек, ни капканов, ни ружей.

Вот собрали братья в лесу хмелю, сплели из хмеля сети и стали сетями рыбу ловить. Наловили много рыбы, насытились.

Так и жили братья.

Стал большой брат упрекать батьев, что работают плохо.

— Едят много, а работать не хотят.

И повздорили.

— Не хочу с вами жить! — сказал средний брат и ушел в лес.

И там в лесу обернулся медведем.

— И я вас не хочу больше видеть! — сказал меньшой и ушел в землю.

И там, такой черный, обернулся в корень медвежий.

И остался один большой брат, – карагаз.

И живет человек на земле, убивает брата медведя, а медведь ест корень медвежий — брата.

СТОЖАРЫ

ЯКУТСКАЯ

Говорит однажды богатый Кудунгса — Огненный рот, старому шаману Кремню.

— Эй ты, старый хрыч, откуда берется зимняя стужа?

— А! — отвечает шаман, — это дыхание той вон звезды, что огнем бороздит небеса.

— Эй, ты, ну-ка, — надо разрубить ее нить.

— А! — отвечает шаман, — конечно. Я постараюсь. Надо-б мне два топора.

И дают по слову Кудунгса старому шаману два крепких роговых топора.

★

Пятого дня новой половины месяца Сосны, — на Купалу — шаман начал камлать.

Шаман велел закрыть окна и двери, запретил строго-на-строго, — даже носу не смей высовывать наружу! Двум крепким подручным приказал попеременно разжигать огонь. А сам надел волчью доху, шапку с рогом, туго завязал себе рот.

И семь дней и семь ночей без устали камлает шаман.

Нечем дышать от жары, а нет места на нем — весь с головы и до ног покрыт инеем, и текут, леденея, сосульки. На руках рукавицы из передних лапок волка, а его палец от мороза коченеет, как

сук. Топоры же его, два роговых топора — от лезвия и до проуха — затупились, стираются.

И каждый раз, как ударит шаман топором, огонь студеной звезды, с шумом и брязгом рассыпая огни, пуржит.

Семь дней и семь ночей рубил шаман звезду и расколол большую звезду на семь звезд.

★

Стуча громко в бубен, шумно нисходит шаман на землю.

И очнувшись ропщет, указывая на хлевное окно:

— Негодная баба! говорил, ведь, даже носу не смей высовывать, высунула харю, и вот не осилил звезду! Однако-ж, месяца этак на два поубавил морозу.

С той поры студеные стожары из звезды большой, как полный месяц, на семь звезд раскололись, — налетели огнями, как огни из большого огнива.

СЕРКЕН-СЕХЕН

ЯКУТСКАЯ

Вещун земли и мира,
добрый советчик богатырей
сын старой царицы тынгырын,
а по отцу из рода одун — ревущий;

штаны — брюшко синей белки,
шуба — беличья спинка,
пояс — бельи обрезки,
шапка — белий затылок,
навески — бельи ушки,
шейный кушак — бельи хвосты,
сапоги — бельи задние лапки,
посох — костяная трава;

а дом его
— на росстани дорог —
пень дуплистый;

а жена его
— старуха —
от уха до брыл семь заплатков;

сам с ноготок,
борода по пупок,
голени — деньги,
руки - ноги — заячий ус;

а звать — позывать вещуна:
дедко
серкен - сехен!

КРОТ И КОРОЛЕК

ЯКУТСКАЯ

Положили уговор крот и птичка.

Крот обещался пустить зимою птичку в свою нору и поделиться от своих запасов.

Птичка обещалась, когда по весне вода зальет кротову нору, пустить крота в гнездо на корм и отдых.

Пичужка сдержала слово: и крот из всей ее добычи только и выбирал, что по душе ему было.

Так дружно провели в гнезде весну и лето крот и птичка.

Осенью, еще до снега, крот, по уговору, пустил к себе птичку, но кормил ее отбросом, больше корешками, и изголодавшейся в норе грозило помереть бедной смертью.

Не видя исхода, отчаялась несчастная птичка:

— Как это так! Я отдавала тебе одно только лакомое, а ты—что негоже. На будущий год—врозь!

— Тварь неблагодарная: расточала всю зиму мои запасы и ты еще смеешь!

Крот когтями ударил по темени птичку.

С той поры над землей летает — кровавый королек.

А крот каждую весну, как только вода зальет его нору, выходит на холмик.

И сидит под ивой.

Дрожа.

Вое — так сами себя называют манегры — народ тунгузского племени, охотники, когда-то оленные кочевники, кочуют на лошадях по правому берегу Зеи от Перы до Депа и от Перемыкина до Куматы, шаманисты.

В 1913 г. по свидетельству Дм. К. Соловьева, участника экспедиции в Амурскую область, манегров насчитывали 182 человека.

★

Ораведлат — так сами себя зовут чукчи — оленеводы и собаководы, живут от Берингова моря до реки Индигирки и от Ледовитого океана до рек Анадыря и Анюя, их около 6000 человек, шаманисты.

★

Карагасы — отуреченный народ самоедской ветви угро-финского племени, охотники, живут в Саянских горах по рекам — Оке, Уде, Бирюсе и Кану, крещеные шаманисты.

Насчитывают карагас до 405.

★

Сакха — так сами себя называют якуты — народ турецко-татарского племени, скотоводы, живут по Лене реке и ее притокам, и по Яне реке, и по Колыме реке до Ледовитого океана, крещеные шаманисты.

По Памятной книжке Якутской области к 1 января 1909 г. якутов числилось до 242000 человек.

1917-1921 г.

DO NOT REMOVE
OR
MUTILATE CARD